

ЗОЛОТОЙ ЖУК

Осенний свет к земле прильнет,
Печаль высокую прольет...
И в чаще, ржавой до изнанки,
Лешак нечесаный вздохнет,
Рябина алым полыхнет,
Как шалью — смуглая цыганка.

Денек погодой одарил
И поздним солнцем озарил —
Сменил унылые картины.
В кусте, застрявшем в камыше,
Блестит, похожий на мишень,
Лоскут ажурной паутины...

...Бредешь в стеклянной пустоте
С невольной думою о тех,
Кто здесь топтал тропинки эти:
Ушли в грядущие года
Иль в никуда и навсегда —
Прожив свое и не заметив?..

Луч низом медленно скользит,
Травинку острую пронзит
До самой тоненькой прожилки;
Жук золотой по ней ползет:
Ползет, родной, своей стезей,
Упорно так — как я по жизни...

*И не могу я в этот дом
Войти без низкого поклона...*

Виктор Баянов

Свет вечерний высок. Еще нету семи.
У конторы автобус споткнулся и скрипнул...
Ты приехал домой. Что ж так сердце щемит? —
Ни шагнуть, ни вздохнуть и ни вскрикнуть.
Свет вечерний высок. Далеко до росы.
А над крышей родимой твоей развалюхи
Бравый клен шелестит — так нелепо-красив,
Как гвардейский султан на мужицком треухе.
Эх ты, дом, ты — мой дом, что поделаешь тут...
Для живущего здесь населенья
Ты всего лишь чудной бабки Марьи закут,
Для меня же — начало вселенной.
Всякий раз заходя в сень простых потолков,
В предзакатных лучах, как в оранжевом дыме,
Я крещусь на портреты своих стариков,
На которых они молодые.
Здесь когда-то твоя загорелась звезда,
И от высшей печали заплакал впервые...
Детских лет голоса, отзвенев навсегда,
В ленты радуг ушли и в цветы полевые.
...Вот приблизишься и... мать не выйдет встречать.
Той минуты страшусь до иголок по телу!
Мне куда приезжать? Где мне выть по ночам
От всемирной тоски оголтелой?!
...Редкий лай, палисад, сон травы под окном,
Мирозданья огни — или это все тени?
Появляясь на свет, мы все знаем о нем,
Покидаем в неведенье, в горьком смятенье...
Дан приход и уход. Ничего на века.
Но я так не хочу, я на Бога в обиде:
Без меня над землей будут плыть облака,
Но как я — их никто больше так не увидит!
Этот день голубой мне глаза напитель,
От подлунных ночей голова серебрится;
Пусть когда и шатнусь, но я жить не устал,
Это сердце в груди не готово разбиться!..
Ничего, ничего, мы еще поживем —
Пусть косая не шлет свою группу захвата.
Улыбнуться сквозь слезы, вздохнуть о своем...
Ну, веди меня, матушка, в хату.

АЗИЯ

Май в казахской степи. Маки в алых рубашках.
В море маков бежит золотая казашка.

Под закатом густым пламенеют просторы...
Выше — розовый свет; дальше — синие горы.

Там равнина; там дол; там, на склоне уютном, —
Философский дымок у задумчивой юрты.

Пронеслись табуны за седыми веками,
Все бывшее вдали улеглось облаками...

А казашка бежит, лепестки растревожа, —
Сколько воли гнедой, сколько юности, Боже!..

ВОТ ПРИЕХАЛ

Вот приехал в январе.
Крыши. Тени синие.
Тихо. Белая сирень —
Не в цвету, а в инее.

Снег небес вокруг избы
Чистоты исполнен;
Что ж такое позабыл,
Что ж такое вспомнил?

Прощемлюсь в калитку я,
Обращусь к сирени:
— Что молчишь, сестра моя,
Божие творение?

Разгорается уже
Красота закатная...
Тихо, благостно в душе,
Что ж слеза вдруг капнула?

Разожгу среди зимы
Мерзлые поленья;
Жаль, с тобой исчезнем мы,
Божии творения.

Вслед другие зацветут,
Иней их застудит...
Нас уже не будет тут.
Нас совсем не будет.

МАЙ 1945 ГОДА

Все!.. Кто выжил, те в свой дом
Придут не похоронками.
Твердь усеяна кругом
Гильзами, воронками...

Мир настал — сойти с ума!..
Что ж, начнем жить заново!
...Дым. Рейхстаг. Цветущий май,
«Валенки» Руслановой.

Реет выше синевы
Знамя то — нетленное!
И бредут по мостовым
Те — военнопленные...

Вновь Европе на года
Не тлеть на наковаленке;
Победили — как всегда! —
Ватники и валенки.

ВЕЧНАЯ МЕДСЕСТРА

В тот безымянный час войны,
Пшеничной копотью пропахший,
В своих деяньях не вольны,
Как две взбесившихся волны
Схлестнулись люди в рукопашной.
Такая выпала судьба
Им, сотне потных и здоровых...
Задохлась в топоте стрельба,
И хряск сырой смешался с ревом!
Лопаткой,
 пулей,
 кулаком,
Зубами,
 лезвием,
 прикладом!..
Фашист, пропоротый штыком,
Блевал, согнувшись,
 долго падал...
Тускнела кровь в пыли утра,
Земля избитая дрожала,
И медицинская сестра,
Объята ужасом, бежала...
Хватая воздух черным ртом,
Кричала в страхе и обиде,
В семнадцать лет увидев то,
Что человек не должен видеть.
Она бежала по стерне,
Порастеряв бинты и вату...
Так и осталась в той войне —
Худой, безумной и косматой.
Один лишь бой.
Но той поры
Ей на века уже хватило,

И к званью вечной медсестры
Она себя приговорила.
...Десятки весен позади.
Июнь за форточкой бунтует!
В палате женщина сидит,
Все куклам головы
Бинтует...

НАДНЕБЕСНАЯ ГОРА

Этот сон не выдумал, не вычитал,
Ясно видел: вечный, как любовь,
Крест лучился светом переливчатым
Над вершиной — бело-голубой...
У подножья спали ветры вьюжные;
И — кольцом средину охватив —
Серебрились облака жемчужные:
Хоть разуйся и по ним ходи.

В странном гроте, выше что находится,
Неземные, светлые лицом,
Под святым сияньем Богородицы
Средь других стояли мать с отцом.
Мимо бед земных, к чему-то высшему
Их несла незримая река;
Я их звал — они меня не слышали,
Так и не узнав издалека...